

Л. И. Ивонина

СПУТНИКИ Марса

принц Конде и маршал Тюренн

Людмила Ивонина

**Спутники Марса: маршал
Тюрени и принц Конде**

«Ивонина Людмила Ивановна»

2013

Ивонина Л.

Спутники Марса: маршал Тюренн и принц Конде / Л. Ивонина —
«Ивонина Людмила Ивановна», 2013

В книге представлен сравнительный анализ жизни и деятельности двух прославленных полководцев французского короля Людовика XIV – маршала Анри де Тюренна и принца Луи де Конде, вошедших в анналы военной и политической истории. Переходное, противоречивое, бурное и динамичное XVII столетие во многом повлияло на жизненный путь этих знатнейших аристократов Франции, а исключительные таланты и происхождение вознесли их на вершину славы. Впервые в современной литературе автор предприняла попытку показать не только различие, сколько единство своих героев. Кампании конца Тридцатилетней войны и войн Короля-Солнце Людовика XIV органично переплетаются в книге с причудливыми образами эпохи, взлетами и падениями, трагедиями и радостями в личной жизни Тюренна и Конде. Она будет интересна для всех любителей истории Франции и Европы XVII в.

© Ивонина Л., 2013

© Ивонина Людмила Ивановна, 2013

Содержание

Предисловие	6
Отцы и сыновья	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Людмила Ивонина

Спутники Марса: маршал Тюренн и принц Конде

Книга повествует о жизни в войне и мире двух самых прославленных полководцев французского короля Людовика XIV – маршала Анри де Тюренна и принца Луи де Конде, вошедших в анналы военной и политической истории. Само XVII столетие – переходное, противоречивое, бурное и динамичное – во много определило род деятельности этих знатнейших аристократов Франции, а исключительные таланты и происхождение вознесли их на вершину славы. Впервые в современной литературе автор, сравнивая своих героев, предприняла попытку показать не столько их различие, сколько единство. Кампании конца Тридцатилетней войны и войн Короля-Солнце Людовика XIV органично переплетаются в книге с причудливыми образами эпохи, со взлетами и падениями, трагедиями и радостями в личной жизни Тюренна и Конде.

Будет интересна для всех интересующихся историей Франции и Европы XVII в.

© Людмила Ивонина, 2023

Предисловие

*На могиле Людовика слышен голос гения
многочисленных талантов
Франсуа Рене де Шатобриан*

Слово «Марс» знакомо всем, и каждому по-своему. Планета Марс и сегодня вызывает научный поиск и полет фантазии писателей. Имя ей подарил неукротимый бог войны в римской мифологии, сначала бывший в древней Италии богом плодородия, а затем отождествленный с греческим Аресом. Как культурная реальность раннего Нового времени (XVI-XVIII вв.), античность во многом формировала поведение французского короля Людовика XIV (1643-1715), почти непрерывно вступавшего в военные споры с другими государствами. Чаще всего этот великий монарх предстал в облике Марса. Например, из 328 известных медалей, прославлявших Людовика, 17 изображают его в виде Аполлона, 88 – Юпитера, 5 – Меркурия и подавляющее большинство – 218 – Марса. Воинственный Марс был не случайным мифологическим образом, а политической программой окружения короля. Сам же Людовик XIV не столько являлся наследником тенденциозного изображения и прославления государей во французской и в европейской иконографии, сколько, и, прежде всего, триумфатором. Образ Марса-Людовика был индивидуален.

Сегодня стало модным говорить, что Королем-Солнце Людовик XIV являлся лишь для представительства, своеобразной инсценировки высшей государственной власти: «Король воплощает государство, король помогает государству жить»¹. С этим можно соглашаться или нет, но на самом деле этот государь старался быть дисциплинированным профессионалом, опиравшимся на идеи и достижения своих талантливых министров, способнейших дипломатов и полководцев. Ведь никакое олицетворение Бога на земле не сможет осуществить задуманное самостоятельно. Для успешного ведения войны земному Марсу нужны были не только сильные армии, но и военачальники, способные оригинально мыслить, когда Марс устал или затрудняется решить задачу. Другими словами, Богу необходима поддержка – ведь не зря у планеты Марс есть два естественных спутника – Фобос и Деймос. Эти имена двух сыновей Бога Ареса, сопровождавших его в бою, в переводе с древнегреческого означают «страх» и «ужас». Однако Фобосом и Деймосом Марса-Людовика являлись отнюдь не «тени» великого короля, а гениальные полководцы и настоящие лица первой величины – маршал Анри де Тюренн и принц Луи де Конде.

«Зачем писать о полководцах? – могут спросить автора этой книги, – в современном цивилизованном мире война столь непопулярна!» Действительно, современная цивилизация позиционирует себя как цивилизация мира в противовес цивилизациям предыдущих веков, когда война была неотъемлемой частью жизни общества и во многом воспринималась как благо. Сегодня война, а которой противником все чаще становится терроризм, более жестока: с террористами мира заключить невозможно. Так, торжество рациональности и цивилизованности мира оборачивается максимизацией насилия по отношению к тому, кто не хочет играть по предлагаемым господствующей цивилизацией разумным правилам. Тем не менее, в XVII в., когда жили наши герои, «право войны» было основным содержанием международно-правовых теорий, а сама война практически являлась повседневной реальностью европейцев. Исключение войны как основной категории из международного права оставалось мечтой теоретиков и мыслителей – мечтой, перешедшей в последующие столетия. Поэтому эта книга – не столько о войне и военачальниках, сколько об эпохе, о жизни самого высшего слоя французского обще-

¹ Blanning T. The Pursuit of Glory. Europe 1648-1815. L., 2008. P. XXIV, 215-217.

ства – дворянства шпаги (*noblesse d'épée*), выдающиеся представители которого могли сделать карьеру и реализовать свои таланты, прежде всего, на войне.

«Мы порой восхваляем доблести одного, чтобы унижить другого. Так, например, люди бы меньше превозносили принца Конде, если бы не хотели опорочить маршала Тюренна, и наоборот», – заметил как-то известный современник маршала аристократ и мемуарист Франсуа де Ларошфуко². Как правило, точный в своих крылатых выражениях, в этой максиме Ларошфуко оказался справедлив лишь относительно. Справедлив, поскольку отметил неразделимость имен Тюренна и Конде в глазах современников. А относительность его слов заключалась в том, что в пылу придворных интриг в трансформировавшемся французском обществе XVII в. могли опорочить любого. Какие же образы маршала и принца запечатали для нас их современники, потомки и исследователи?

Во многих французских семьях и по сей день существует давняя традиция рассказывать детям в канун Рождества о людях, прославивших эту страну. Одна из популярных тем этих рассказов – детство будущего маршала Франции в XVII в. Тюренна, мальчика, который воспитывался у дяди и, повзрослев, стал знаменитым полководцем. Дошли эти рассказы и до России. Однажды императрица Александра Федоровна подарила Николаю II на Рождество книгу Т. Каю по мотивам этих рассказов под названием «История Тюренна» с надписью: «Моему дорогому Ники с пожеланиями счастливого Рождества 1898 года. С большой любовью Алекс». Экземпляр этого издания был представлен на выставке «Музеум книги» в Эрмитаже в 2003 г.³

Эта книга для детей – лишнее свидетельство тому, что Тюренн оставил после себя самый положительный образ. И сам Ларошфуко – его противник во время Фронды⁴ – создавал его одним из первых. Полководцем восхищались знаменитый фрондер Поль де Гонди, кардинал де Рец (хотя считал его более пригодным для войны, нежели политики) и герцог Йоркский, будущий король Англии в 1685-1688 гг. А французский историк и критик, вольнодумец и эпикуреец Шарль де Сен-Эвремонт, в 1661 г. высланный из Франции по политическим мотивам и нашедший при дворе английского короля Карла II благожелательный прием, оставил потомкам великолепную сравнительную характеристику Тюренна и Конде. Мадам де Севинье в своих письмах породила легенду о бедности Тюренна, подхваченную его биографами. Единственным, кто подпортил его образ, стал, пожалуй, автор знаменитых «Мемуаров», в которых дана наиболее яркая характеристика двора Людовика XIV, герцог де Сен-Симон, заметивший: «Неужто мы умолчим... о г-не де Тюренне и его присных, чтобы не видеть самого вопиющего коварства, удостоенного самых безмерных наград?» Но сложно найти того человека, которого обиженный жизнью Сен-Симон обошел критикой. Принцу Конде досталось от него еще больше. В целом же, благодаря современникам, Тюренн стал национальным наследием – даже французские республиканцы почитали его, несмотря на то, что маршал всю свою жизнь являлся роялистом⁵.

² Ларошфуко Ф. Мемуары. Максимумы. Л., 1971.

³ Cahu T. Histoire de Turenne / il. P. Dufresne. Paris: Firmin-Didot & Co, 1898; Каю, Т. История Тюренна / худ. П. Дюфресн. Париж: Фирмен-Дидо и К^o, 1898.

⁴ Фронда – политическое движение во Франции в 1648-1652 гг. с разнородным социальным составом участников, название которого происходило от французского слова «La Fronde» («праща» либо «камень от пращи») как своеобразного символа протеста против власти. Фронда была состоянием нарушенного Тридцатилетней войной и вызванным ею кризисом равновесия, когда все противоборствующие силы пришли в анархическое движение и защищали только свои интересы. Как политическое движение не обладала внутренней цельностью, являясь, по сути, смутой. См.: Малов В.Н. Парламентская Фронда. Франция 1643-1653. М. 2009, с.18, 22.

⁵ Сен-Симон. Мемуары. Книга 1. М., 1991. С. 53; Кардинал де Рец. Мемуары. М. 1997; Mémoires du Duc d'York sur les evenemens arrives en France pendant les annees 1652 a 1659/Nouvelle collection des Mémoires pour servir à l'Histoire de France/ Par M.Michaud. T.X. P., 1888; Saint-Evremont. Eloge. Carrion-Nisas. Essai sur l'histoire general de l'art militaire. Paris, 1824. P. 83; Lettres choisies de Madame la Marquise de Sevigne à Madame de Grignan sa Fille. P., 1825.

Своеобразный парадокс положительного восприятия Тюренна лишний раз подтверждает то, что известные люди после смерти становятся легендой. И все потому, что его моральный облик, деловые качества и полководческий гений никого не оставляли равнодушным. Боевое искусство Тюренна исключительно высоко оценивали такие знаменитые военачальники Нового времени, как герцог Мальборо, Суворов и Наполеон. Мальборо не раз упоминал Тюренна в письмах как высочайший образец «применения искусства и разума на войне». Суворов неоднократно указывал на необходимость изучения наследия маршала. Из его боевых качеств русский полководец особенно выделял постоянство. Характеризуя самого себя, Суворов писал: «Наука просветила меня в добродетель, я лгу, как Эпаминонд, бегаю, как Цезарь, постоянен, как Тюренн, и праводушен, как Аристид», и наставлял крестника он так: «Как человек военный, вникай в сочинения Вобана, Кегорна, Кураса, Гибнера, будь несколько сведущим в богословии, физике и нравственной философии; внимательно читай Евгения, Тюренна, Комментарии Цезаря, Фридриха П...» Для Петра Великого имя Тюренна было нарицательным: «Слава Богу, дожил я до своих Тюреннов, только вот Сюллия у себя еще не вижу». А один из сыновей короля Франции Луи-Филиппа Орлеанского (1830-1848) Анри Орлеанский, герцог Омальский (1822–1897), с 1830 г. наследник угасшего дома Конде, признавая талант великого соратника и соперника принца Конде, отмечал, что «каждый день ему (т.е. Тюренну) приносил прогресс»⁶.

Но самое большое влияние на формирование мнения о Тюренне в литературе оказал Наполеон Бонапарт. В его списке семи самых выдающихся полководцев мировой истории виконт де Тюренн был единственным французом, составив компанию таким «монстрам» военного дела, как Александр Македонский, Ганнибал, Юлий Цезарь, Густав II Адольф, принц Евгений Савойский и Фридрих Великий. Тюренн являлся одним из великих полководцев, кампании которых Наполеон всем солдатам рекомендовал «читать и перечитывать». В книге о войнах Юлия Цезаря, маршала Тюренна и Фридриха Великого Наполеон соединил описательный и аналитический методы исследования походов маршала и дал полное представление о войнах той эпохи. Французский император отмечал выдержку полководца, умение владеть собой: «У Тюренна сердце было в голове», и его гений, который с годами становился смелее. Тем не менее, он осуждал Тюренна за измену королю и возмущение армии в 1649-1651 гг., как видно, выступая с позиций своей императорской власти и предав забвению путь своего прихода к ней⁷.

В литературе о Тюренне можно выделить два направления: военно-теоретическое и историко-биографическое. Известный теоретик военного искусства и поклонник наполеоновских методов войны Карл фон Клаузевиц видел в Тюренне полководца, вооруженного не тяжелым рыцарским мечом, а тонкой придворной шпагой. Этим знаменитым сравнением Клаузевиц подчеркнул отличие стратегии XVII в. от наполеоновской. Ведь маневр занимал у Тюренна гораздо большее место, чем у Наполеона, бой являлся крайним средством для захвата территории, а в разгроме армии противника Тюренн не видел единственной цели военных действий. Но наполеоновские принципы еще не могли применяться относительно небольшими армиями эпохи, предшествовавшей Французской революции. И если Тюренн и был великим мастером стратегии измора, то его маневры всегда были уверенными и решительными, а его легкая при-

⁶ См.: The Marlborough-Godolphin Correspondence/ Ed. by H.L.Snyder. Vol. I. Oxford, 1975; Memoirs of the Duke of Marlborough with his original correspondence: collected from the family records at Blenheim, and other authentic sources/by W.Coxe. In three volumes. L., 1848; Суворов А. В. Наука побеждать. М.: «Молодая гвардия», 1984; Он же. Жизнь Суворова им самим описанная или собрание писем и сочинений его. Ч. 1 и 2. М., 1819; Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1989. С. 20; Henri d'Orléans, Duc d'Aumale. Histoire des princes de Condé pendant les XVI et XVII siècle. Vols. 3-7. P., 1863-1896. Vol. 3. P. 141-143.

⁷ Observations on the Wars of Marshal Turenne, dictated by Napoleon at St Helena. P., 1823. Napoleon I. Darstellung der Kriege Caesars, Turennes, Friedrichs des Grossen. Berlin, 1938. (русский пер.: Наполеон Бонапарт. Войны Цезаря, Тюренна, Фридриха Великого. Пер. с фр. М.; Жуковский: Кучково поле, 2005.

дворная шпага была остро отточена и умела наносить тяжелые удары, возражал Клаузевицу другой историк военного искусства Ганс Дельбрюк.

Тем не менее, Дельбрюк соглашался с коллегой в том, что искусство Тюренна было искусством его эпохи. Маршал предпочитал «наносить больше вреда противнику в открытом поле, чем осаждать и брать города», и был «творцом хотя и искусной... но избегающей кровопролития маневренной стратегии». Немецкий историк несколько недооценивал роль Тюренна в истории военного искусства в пользу «творцов особых методов» Морица Оранского, Густава Адольфа и Фридриха Великого. В целом, в военном плане о Тюренне писали и пишут не только как о мастере маневра, но и как значимой фигуре при переходе к магазинной системе снабжения. С его именем связывают последние крупные успехи французского оружия, за которыми следовало столетие унижительных поражений⁸.

Конечно, в России – державе, постоянно расширявшей свою территорию и развивавшей опыт военного искусства, Тюренна не могли обойти вниманием. «Сила ума и сила воли были у него в совершенном равновесии, и воля его, никогда... не колеблясь, повиновалась и следовала внушениям его разума... В неудачах он не падал духом и не приходил в уныние, но, веря счастью, умел склонять его на свою сторону и пользоваться им», – писал М. Голицын в фундаментальном труде «Великие полководцы истории». Разумеется, и в его оценке маршала явно просматривается сильное влияние Наполеона.

В советское время, исключая маленькие и схематичные статьи в массовой печати и общие работы по военному искусству, специально Тюренна вспомнили лишь однажды, и, пожалуй, в практических целях. Накануне Второй мировой войны А. Рутченко и М. Тубянский написали небольшую биографию маршала, предназначенную для командующего состава Красной Армии⁹. Несмотря на некоторые неточности, авторы показали себя знатоками военного дела XVII в. и тонкими ценителями военного искусства Тюренна, ставя его в пример потенциальным читателям-командармам. По их мнению, овладев самыми передовыми военными методами своего времени, позаимствовав тактические приемы и технические усовершенствования у Вильгельма Оранского и Густава-Адольфа, Тюренн не раз проверял их в сражениях, а затем сам улучшил и развил их настолько, что справедливо считается предшественником Наполеона в выработке элементов новой стратегии и тактики.

В зарубежной литературе существует немало классических биографий маршала. Биографии эти написаны, прежде всего, на основе мемуаров Тюренна (а также его писем и реляций), его современников, и затем, с XIX в., трудов того же Наполеона. В этих работах французский маршал предстает не только как военный (хотя в первую очередь отмечается формирование его личности именно в этом направлении), но и как человек. Среди них следует отметить М.А. Рамсэ, которого русский историк М. Голицын назвал лучшим биографом Тюренна, аббата Рагене и Т. Лонгвиля¹⁰.

В работах последних трех десятилетий можно отметить как обращение к предыдущим оценкам Тюренна, так и новые подходы. Ведь эволюция знаний о военной истории открыла

⁸ Клаузевиц К. О войне. М.: Государственное военное издательство, 1934; Дельбрюк Г. История военного искусства. Т. IV. С. 198-297, 224; Dodge T.A. Gustavus Adolphus; a history of the art of war from its revival after the middle ages to the end of the Spanish succession war, with a detailed account of the campaigns of the great Swede, and of the most famous campaign of Turenne, Condé, Eugene and Marlborough. With 237 charts, maps, plans of battles and tactical manoeuvres, cuts of uniforms, arms, and weapons. Cambridge, 1895.

⁹ Ramsay M.A. chevalier de. Histoire d'Henry de la Tour d'Auvergne, vicomte de Turenne. 2 vol. P., 1735. Abbé Ragueuet. Histoire du vicomte de Turenne. P., 1741 (русский пер. История о Виконте Тюренне. Сочинение Аббата Рагенета, переведил с французского Капитан Яким Сулима. 2 Ч. СПб., 1763); Duruy. Histoire de Turenne. Paris, 1880; Roy J. Turenne, sa vie et les institutions militaires de son temps. Paris, 1884; Hardy de Perini. Turenne et Condé. Paris, 1907; Neuber C. Turenne als Kriegstheoretiker and Feldherr. Vienna, 1869; Cockayne T.O. Life of M. de Turenne. London, 1853; Malleson G.B. Marshal Turenne. London, 1907.

¹⁰ Голицын Н. С. Великие полководцы истории. Часть 2. СПб, 1875. С 179; Рутченко А., Тубянский М. Тюренн. М., 1939.

новую страницу в характеристике тактики и стратегии маршала. Так, Ж. Беренжер заметил, что Тюренна надо изучать в контексте социальной истории его времени, а не рассматривать только как военного. По его мнению, в области стратегии маршал был адептом непрямого стиля, и в своих действиях искал ситуацию, чтобы усадить противника за стол переговоров. В. Гетри называет Тюренна ключевой фигурой в военном искусстве между Тридцатилетней войной и 60-ми годами века Барокко, превосходившей других полководцев в стратегии и маневре. При этом историк особенно выделяет стратегическую дуэль маршала с имперским главнокомандующим Монтекукколи в 1672-1675 гг.¹¹ Кстати, в литературе мнение о том, что Тюренн и Конде были великими противниками, часто подается как неоспоримый факт. На самом деле даже во время Фронды они являлись соратниками и одновременно соперниками, представляя собой, по сути, своеобразный «двуликий Янус» стратегии и тактики Короля-Солнце.

Сам Тюренн оставил многочисленную личную и деловую корреспонденцию, инструкции и мемуары, заканчивающиеся 1658 г. и неоднократно издававшиеся как отдельно, так и в качестве приложений к биографиям. В мемуарах он просто и спокойно рассказал о своих походах, нисколько не стремясь приукрасить свою деятельность или скрыть свои ошибки. Полководец открыто писал о своем поражении «я разбит», но победу делил со всей армией – «мы победили». Он называл себя в 3-м лице, особенно не выделяя среди других. Можно сказать, это не только мемуары, это жизнь: принц Шарль-Жозеф де Линь в своих записках отзывался о них, что «это приказы..., дела... и все...» По форме они просты, а по содержанию основательны, как и вся его переписка. Особый интерес он проявлял к истории своего времени и к эволюции военного дела¹².

В ином образе предстает принц Конде. Современники могли любить его, либо ненавидеть, но все равно восхищались им, несмотря на его политические просчеты и личностные особенности. Возможно, самую яркую характеристику дал ему в своих мемуарах кардинал де Рец: «Принц де Конде был рожден полководцем, что можно сказать лишь о нем, о Цезаре и о Спиноле. Он стал вровень с первым и превзошел второго. Бесстрашие – еще не самая главная черта его характера. Природа наделила его великим умом, не уступавшим его мужеству. Судьба, ниспослав его веку воинственному, предоставила мужеству развернуться во всем его блеске; рождение, или лучше сказать, воспитание в семье, преданной и покорной правительству, ограничило ум рамкой слишком тесной. Принцу не внушили с ранних лет те важные начала, какие... развивают то, что зовется последовательностью... Уже в юности он опережен был стремительным развитием великих событий и навыком к успеху. Недостаток этот был причиной того, что, обладая от природы душой незлобной, он совершал несправедливости, обладая отвагой Александра..., был не чужд слабости, обладая замечательным умом, действовал неосмотрительно, обладая всеми достоинствами..., не послужил государству так, как был должен... Он не сумел возвыситься до своих дарований, и это уже недостаток, но все равно он велик, он прекрасен»¹³.

Многие люди, особенно близкие к нему по духу и входящие в его клиентелу, почти не видели у Конде недостатков. В мемуарах Франсуа де Ларошфуко он «...статный, наделенный большим, ясным, проницательным и всесторонним умом, покрыл себя величайшей

¹¹ Bérenger J. Turenne. P., 1987. P. 7-9; Guthrie W.P. The later Thirty Years War. From the battle of Wittstok to the Treaty of Westphalia. Westport (Connecticut) ; London, 2003. P. 200, 237.

¹² Memoires de Turenne/ed. Marichal. 2 vol. P., 1909-1914. Du Buisson. La Vie du vicomte de Turenne – the author is apparently Gatien de Sandraz de Courtitz. Paris, the Hague, and Cologne, 1688-1695; Turenne. Mémoires sur la guerre, tires des originaux. P., 1738; Maximes de M. de Turenne (1644)//Grimoard. Collections de lettres et memoires trouves dans la portefeuille de M. de Turenne. Paris, 1782; Recueil de lettres ecrites au vicomte de Turenne par Louis et ses ministres, &c. Paris, 1779; Correspondance inedite de Turenne avec Le Tellier et Louvois/ed. Barthelemy. Paris, 1874.

¹³ Кардинал де Рец. Мемуары. С. 119-120.

славою...» Единственным упущением принца Ларошфуко считал отсутствие более тщательного обдумывания своих действий. Прокурор-генерал Дижонского парламента Пьер Лене тоже оставил мемуары, где так отзывался о принце: «Он удовлетворял желания своих подчиненных, игнорируя многие частности... Принц завоевал огромную репутацию, проведя баталии у Рокруа, Фрейбурга, Нордлингена и Ланса, взяв Трионвилль, Филиппсбург, дойдя до сердца Рейна – Кобленца, выказав храбрость и великодушие у Дюнкерка... Ему отдала свое сердце fortuna...»¹⁴

А в своей великолепной надгробной речи, произнесенной в Соборе Парижской Богоматери по случаю годовщины кончины принца Конде 10 марта 1687 г., епископ Мо, выдающийся историк и воспитатель дофина Жак-Бенинь Боссюэ представил его не только выдающимся государственным деятелем, но и фактически возвысил его над другим великим полководцем столетия – Тюренном. Отличительной чертой военного гения Конде епископ назвал быстроту замысла, нисходившего на него среди сражения – его знаменитые «вдохновения». Боссюэ подчеркивал неординарный ум принца и его умение общаться с великими мыслителями своего времени. А Людовик XIV после смерти Конде заявил, что он потерял «величайшего человека в моем королевстве»¹⁵.

Вполне естественно, что для своих потомков Великий Конде являлся образцом для подражания, почти Богом. Сочинения некоторых из них полны апологетики. Например, Луи-Жозеф де Бурбон-Конде (1736-1818), подробно описав военные победы своего знаменитого предка, его общение с известными политиками и творческими людьми Великого века, лишь кратко обрисовал неприятные страницы его истории – Фронду и службу испанскому королю. Бесстрашный и находчивый полководец у него во время Фронды предстает простодушным и чувствительным человеком, преданным двором и руководствовавшимся плохими советами друзей. Сочинение Луи-Жозефа обогатила личная корреспонденция принца. А уже упомянутый выше герцог Омальский лично принялся за составление «Истории принцев Конде в XVI-XVII вв.», в которой целых пять томов посвятил Великому Конде. Содержание этого самого обширного сочинения о Конде дополнено сотнями писем из его корреспонденции. Выражая свое восхищение героем, автор «Истории...» в то же время полагал, что после 30-ти лет fortuna отвернулась от принца, и его военный гений ослаб¹⁶.

У историков к нему более критическое отношение, и как к человеку, и как к полководцу. Это вполне объяснимо их неугасающим и позитивным интересом к личности Людовика XIV, его военным реформам, а также уходящей эпохой, представителем которой и являлся Конде. Апологет Короля-Солнце современный историк Ф.Блюш, например, тщательно фиксируя события, связанные с его именем, одновременно словно избегает его личностной характеристики в отличие от многих персонажей своего фундированного труда. Вообще Конде любят упрекать за то, что ради быстрого и сильного натиска, способного привести к победе, он не щадил ни своих солдат, ни солдат противника, а его армия особенно отличалась грабежами и насилиями. В целом он как полководец уступал своему коллеге Тюренну: его стиль состоял из дерзости, упрямой спешки и агрессивных нападений, полных рисовки, тогда как Тюренн был примером тонкого и тщательного маневра, терпеливости и расчета. Как человек, отмечают многие историки, Конде нередко отличался надменностью, жестокостью, оскорбительной грубостью с подчиненными. Вместе с тем, Конде называют настоящим военным и светским интеллектуалом, одаренным и независимым.

¹⁴ Ларошфуко Ф. Мемуары. С. 32, 127; Nouvelle Collection des Mémoires pour servir à l'Histoire de France. Troisième Serie. Mémoires de Pierre Lenet, Procureur-General au Parlement de Dijon et conseiller d'Etat. Première Partie. P., 1888. P. 185, 194.

¹⁵ См.: Отрывки из надгробной речи Боссюэта Великому Конде//Сын Отечества. Ч. 52. № 8. 1819; Надгробные слова Боссюэта, еп. Московского. СПб., 1822. С. 48; Цит. по: Louis Joseph de Bourbon Conde (prince de), Charles Louis de Sevelinges. Mémoires pour servir à l'Histoire de la Maison Condé/Par L.-G. Michaud. T. I. P., 1820. P. 233.

¹⁶ Ibid. P. 82-86; Henri d'Orléans, Duc d'Aumale. Histoire des princes de Condé pendant les XVI et XVII siècle. Vol. 3. P. 141-143.

Современники, потомки и исследователи особенно критикуют действия принца во время Фронды. Что же касается его службы испанскому королю, то здесь одни историки и биографы, дабы прямо не назвать Конде «предателем», чаще всего ограничиваются фиксацией событий, а другие пользуются расхожими клише «мятежник» и «изменник». И все же с позиций современной исторической науки, предпочитающей анализировать социальные структуры и институты и основываться на междисциплинарных подходах, личность Конде предстает более сложной. Фигура великого полководца и принца крови органично вплетается в трансформирующийся социум XVII в. и анализируется на фоне развития бюрократического государства, жизни придворного общества, роли привилегий дворянства и системы патронажа и клиентелы. Так, по мнению современной французской исследовательницы К. Бежу, «фортуна Конде состояла в балансе приспособления к триумфу абсолютизма»¹⁷. В любом случае, в общей оценке этого незаурядного человека преобладает прилагательное «Великий».

Итак, перед нами два героя, жизнь которых возбуждает неиссякаемый интерес и порождает немало вопросов. Каким был человек, заслуживший честь быть героем детских книг и вдохновлять своим примером даже юные сердца? В какой степени маршал Тюренн являлся положительным героем в войне и мире? Что было главным в его жизни? Каким он представлял французское государство и себя в нем? Каковы слагаемые не оспариваемого историей величия принца Конде? Кем был он – бесстрашным рыцарем Барокко, гениальным полководцем, мятежной душой, великодушным вольнодумцем, не оставившим миру своих мыслей, государственным преступником, покорной слугой монарха, подавившего его натуру? Какой след оставили оба спутника Короля-Солнце в истории военного искусства, и что, наконец, было между ними общего и особенного? Об этом нам и предстоит поразмышлять, пройдя путь людей, запечатлевших свои имена в устойчивом словосочетании – «время Тюренна и Конде».

¹⁷ См., например: Блюш Ф. Людовик XIV. С. 792; Pouilly I. de. Portrait de Kondé. Nanterre, 1985. P. 8; Lynn J.A. Giant of the Grand Siècle. The French Army 1610-1715. Cambridge, 1997. P. 276; Béguin K. Les Princes de Conde. Les Princes de Condé : Rebelles, courtisans et mécènes dans la France du Grand Siècle. Champ Vallon, 2003. P. 12.

ОТЦЫ И СЫНОВЬЯ

*Иди вперед, навстречу туманному будущему,
без страха и с мужественным сердцем*

Генри Лонгфелло

Четыре фактора обусловили путь героев книги к вершинам славы – их собственный гений, удача, происхождение и время. На первое место здесь следует поставить время, Хронос – еще одного великого античного небожителя в жизни Тюренна и Конде. Когда Хронос неспокоен, на волнах его гнева можно столь же взлететь ввысь, сколь упасть в бездну. Оседлать самую высокую волну с большой степенью вероятности могут помочь происхождение и таланты, но при благоволении Фортуны.

Как видно, Хронос крепко сердился на Францию и Европу, заставляя их меняться, идти вперед сложным и кровопролитным путем. А Марс только радовался, и в союзе с Фортуной подбирал себе спутников.

То было время сложного и противоречивого пути от средневековой цивилизации к буржуазной, насыщенного грандиозными событиями, переворачивающими традиционные представления о мире. Перемены начались еще в XVI столетии, когда Европа начала долгий переход от «традиционалистской» средневековой социальной системы к новому обществу, основанному на гражданстве и рыночной экспансии. Необходимым элементом этого перехода было государство, основанное на социальном дисциплинировании. Важную роль в нем играла религия: она делала это государство более сакральным перед тем, как оно стало более светским. Постепенно возникало относительно однородное общество подданных с внушаемыми формами поведения, мышления и менталитета. Государства укреплялись, монополизируя военную силу, финансы и церковь, а их вооруженное соперничество на европейской арене принимало религиозную окраску. Во второй половине XVI – первой половине XVII вв. характерной чертой жизни европейского общества стал конфессионализм, сопровождавшийся принуждением к религиозному единообразию, что в современном понимании равноценно религиозному фундаментализму¹⁸. Христианские церкви – католическая и протестантские течения – вступали в союзы с государствами раннего Нового времени, сила которых давала им возможность управлять религиозными делами. Правда, результаты этого союза часто расходились с целями.

Сто с лишним лет в Европе длился «конфессиональный век», соединивший религию и политику в единое целое, и бушевали войны за «истинную веру». Частью их стали религиозные или гугенотские войны во Франции – серия затяжных гражданских конфликтов, которые раздирали королевство при последних королях династии Валуа (1562-1598). В ход событий во Франции вмешивались ее соседи – английская королева Елизавета I (1558-1603) поддерживала гугенотов, а Филипп II Испанский (1556-1598) – католиков. Граней у этой войны было много. Гугеноты воевали с католиками, группы аристократов противостояли королевскому двору, шайки воров и нищих в Париже, казалось, совершенно обезумели, а отдаленные провинции стремились вернуться к былой независимости от центра. На поверхности основным источником разногласий была религия, но реально их породил кризис во многих сферах жизни – кризис роста и трансформации европейской цивилизации в целом. К тому же четыре короля династии Валуа, правившие после Франциска I (1515-1547), были весьма заурядны. Между 1559 и 1589 гг. королева Екатерина Медичи была единственной заслуживающей пристального

¹⁸ Schilling H. Confessional Europe//Handbook of European History 1400-1600. Vol. II/Ed.by T.Brady, H.Obermann, J.Tracy. Leiden, N.Y., Köln, 1995. P. 641-681; Idem. Konfessionalisierung und Staatsinteressen. Internationale Beziehungen 1559-1660. Paderborn, München, Wien, Zürich, 2007. S.6-8.

внимания фигурой, но она устала жонглировать католиками и гугенотами, сталкивая их между собой. Итогом стал крах династии Валуа и занятие престола Франции другой ветвью Капетингов – Бурбонами.

В пылу междоусобиц закалялись характеры, оформлялись политические и личные пристрастия отцов Тюренна и Конде, высокое происхождение которых само по себе бросало их и их детей в самую гущу событий.

Будущий маршал Франции Анри де Ла Тур д'Овернь, виконт де Тюренн, родился 11 сентября 1611 г. в крепости Седан в Арденнах на севере Франции. Он был вторым сыном гугенота по вероисповеданию и одного из самых влиятельных представителей французской аристократии Анри де Ла Тур д'Овернь, виконта де Тюренна, герцога де Буйона и его второй жены Елизаветы Нассау, дочери статхаудера Республики Соединенных Провинций принца Вильгельма I Оранского по прозвищу Молчаливый (1572-1584). Династия Оранских всегда играла значительную роль в истории Нидерландов и по сей день является правящей династией этой страны. С XII в. графы Оранские были вассалами Священной Римской империи с титулом имперских князей. Дед Тюренна получил этот титул после смерти своего дяди Рене в 1544 г., но самое главное, что принц Вильгельм Оранский, граф Нассауский, стал первым статхаудером нидерландских провинций Голландии и Зеландии и одним из лидеров «восьмидесятилетней войны» Нидерландов за независимость против Испании (1566-1648). Эта страна и ее анти-испанская борьба сыграют значительную роль в формировании личности и карьере Анри.

Отец Тюренна тоже был заметной фигурой на политическом небосклоне Франции и Европы. Еще после событий Варфоломеевской ночи (1572) в 1576 г. он принял кальвинистское вероисповедание и примкнул к партии Генриха Наваррского – будущего короля Франции Генриха IV Бурбона. Старший Анри был другом и сподвижником Генриха, стал вождем французских гугенотов и с 1592 г. маршалом Франции. Участвуя во всех войнах, которые вел Генрих Бурбон, он прекрасно изучил практику военного дела, а со вступлением того на престол в 1589 г. исполнял целый ряд ответственных дипломатических поручений в Англии, Республике Соединенных Провинций и Испанских Нидерландах. В благодарность за его подвиги король устроил брак Тюренна с дочерью Анри Робера де Ла Марка.

В свое время при известии о расправе, учиненной герцогом де Гизом над протестантами в Васси неподалеку от Седана в 1562 г., молодой гугенот Анри де Ла Марк, женатый на Франсуазе де Бурбон-Монпансье, кузине Генриха Наваррского, провозгласил себя суверенным князем Седанским. В средние века Седан был феодем Музонского аббатства. С XV в. им владела одна из ветвей Клевского дома, причем по соглашению с аббатством сеньория считалась независимой. После смерти Анри-Робера в 1574 г. и затем его холостого сына в 1588 г. Седан перешел к сестре последнего Шарлотте де Ла Марк и ее супругу Анри де Тюренну. Брак этот оказался бездетным, имущество Ла Марков было объявлено выморочным, и на владение Седаном притязали их другие родственники, в частности, младший брат Анри-Робера граф де Молеврье, герцог де Монпансье. В обход, возможно, более законных претендентов на это наследство король закрепил за Анри де Тюренном и его потомками владение Седаном и право именоваться герцогом Буйонским. Первый брак Анри продолжался недолго. Именно дочь Вильгельма Оранского Елизавета стала матерью его семи детей: двух сыновей и пяти дочерей¹⁹.

Однако, как часто пишут биографы Тюренна, неблагодарный де Буйон отплатил королю другой монетой. Он примкнул к заговору Шарля де Гонто, барона де Бирона, маршала с 1594 г. и герцога и пэра Франции с 1598 г. Отважный военный и губернатор Бургундии, но невероятно честолюбивый, и к тому же азартный игрок, Бирон сошелся с людьми, недовольными королем. Усиление королевской власти и ослабление могущества сеньоров побудили послед-

¹⁹ Longueville T. Marshall Turenne. L., N.Y., Bombay, Calcutta, 1907. P. 5.

них привлечь к заговору герцога Савойи и испанского короля Филиппа III. Бирон увлекся идеей создать независимое от Франции княжество в составе Бургундии, Франш-Конте, Лимузена и Перигора и обещанием руки савойской принцессы. Еще в 1599 г. Бирон вел тайные переговоры с герцогом Савойским и графом Фуентским с целью направить их оружие против Генриха IV. Между тем, последний в 1600 г. объявил войну герцогу Савойскому, и Бирон был вынужден повести французское войско против Савойи. От него потребовали выдачи короля, в чем он отказал. Тем не менее, когда при осаде форта Св. Екатерины у Генуи Генрих IV намеревался осмотреть укрепления, Бирон расставил стрелков, которые должны были открыть огонь по условленному сигналу. Однако в последний момент он передумал и помешал королю отправиться к опасному месту. Мир с Савойей был заключен в 1601 г., а связи Бирона с герцогом Савойским не остались тайной для Генриха IV. Не зная наиболее компрометирующих подробностей, король простил заговорщика. Несмотря на это, неумный Бирон продолжал тайную переписку с враждебными Франции государствами, но, преданный своим поверенным Лафеном, который передал Генриху IV план заговорщиков, был арестован и приговорен к смерти.

После казни Бирона в Бастилии в июле 1602 г. Буйон призвал гугенотов к восстанию, бежал в свои арденнские владения и укрепился в Седане. Генрих был вынужден идти с вооруженным отрядом против своего старого военного соратника. Дав городу значительную сумму денег, он с сожалением заметил: «Я вижу Седан, и из моих рук месье Буйон получил то, что он хочет; теперь же я научу его долгу». Герцог укрылся от гнева короля у главы Протестантского союза курфюрста Пфальцского Фридриха IV и мобилизовал в свою защиту протестантских князей Германии и даже королеву Елизавету Тюдор. Те попросили за Буйона, в 1605 г. он получил королевское прощение и на следующий год вернулся во Францию. Как видно, седанские правители не отличались верностью короне, но вовсе не из-за их неблагодарности. С одной стороны, поведение Буйона можно объяснить традиционным сепаратизмом французской аристократии, а, с другой, тем, что после введения Генрихом IV Нантского эдикта 1598 г., даровавшего свободу вероисповедания гугенотам и ряд привилегий политического, судебного и военного характера, гугенотские регионы Франции стали стремиться к полной автономии, т.е. к образованию своеобразного «государства в государстве».

После смерти Генриха IV маршал Буйон вошел в Регентский совет королевы Марии Медичи и интриговал в союзе с фаворитом королевы Кончини против министра покойного короля герцога де Сюлли. Еще в 1601 г. он основал для братьев по вере Седанскую академию в своих владениях. В 1621 г. Ларошельская Ассамблея, видя в нем вождя, хотела провозгласить Буйона главнокомандующим силами гугенотов. Тем не менее, тот, уже не желая ввязываться в политическую борьбу оппозиционной аристократии, да и будучи нездоров, уступил этот пост герцогу Анри де Рогану, и не случайно. Ведь после восшествия Генриха Наваррского на французский престол традиционные лидеры гугенотов из числа Бурбонов и Конде перешли в католичество. Верность кальвинизму сохранили только Роганы, следовавшие за Бурбонами в линии наследования престола королевства Наварра. Буйон удалился в свои наследственные владения в Седане, всецело уйдя в личную жизнь и занявшись написанием мемуаров, которые были напечатаны в 1666 г.²⁰

Здесь же, в Седане, в небольшой крепости под надзором отца и домашних учителей прошло детство Анри де Тюренна. Поначалу, будучи слабого здоровья, он не обнаруживал особых способностей ни к учению, ни к физической подготовке. Он чуть не умер от прорезывания зубов, не говорил почти до четырех лет и постоянно простывал. Тем не менее, он и его старший

²⁰ General Weygand. Turenne. P., 1929. P. 8-11. Berenger J. P. 38-39; Kettering Sh. Political Pamphlets in Early Seventeenth Century France: the Propaganda of War between Louis XIII and His Mother, 1619-1620//Sixteenth Century Journal. XLII/4. 2011. P. 963-978.

брат Фредерик-Морис получили соответствующее своему кругу воспитание, и, как все молодые аристократы того времени, предпочитали военную службу. В образование детей входили основы философии, Древней и Новой истории, знакомство с правилами поведения в высшем свете. Из военных навыков они приобретали умение владеть оружием, управлять лошадью, знакомились с основами фортификации и изучали историю войн. Буйон любил рассказывать детям о войнах, в которых ему приходилось участвовать, и, возможно, благодаря этим беседам юный Тюренн обрел настоящее призвание к военному делу. Возбуждая самолюбие мальчика, отец говорил ему, что из-за слабого здоровья из него не выйдет хорошего воина, и что его сын вряд ли сможет выдержать тяготы военной службы. К тому же все замечали, что Анри отличала исключительная человечность и скромность манер, а его деньги тут же перекочевывали в карманы нищих. Но он проявил твердость характера и стал уделять большое внимание физической подготовке и закаливанию организма. Решив доказать отцу, что он бесстрашен и силен, Анри в возрасте 10 лет провел ночь на крепостных стенах Седана. Однажды поздно вечером учитель мальчика, зайдя в его комнату, не обнаружил там воспитанника. После долгих поисков его нашли спящим около одной из пушек.

Юный Тюренн с упоением читал Квинта Курция о жизни и походах Александра Македонского и «Комментарии» Цезаря, часто цитируя по памяти целые куски этих произведений. Деяния великих мужей древности воспаляли ум и душу серьезного и внешне ничем не примечательного мальчика. В моральном плане на него большое влияние оказал римский философ-стоик Сенека. Как видно, Анри прекрасно знал латынь, историю, естественные науки и военное дело. Основы его интеллектуального развития были солидными. Но блестящими их нельзя было назвать, так как они больше ориентировались на практику²¹.

В 12 лет Тюренн лишился отца, титул которого наследовал его брат. К этому возрасту он физически окреп, и Елизавета де Буйон, подобно спартанской матери, решила, что ему пора получить хорошую военную подготовку. Как стойкая кальвинистка, она была сепаратистские настроена и предубеждена против Парижа и службы ее сына во французской армии. К тому же среди гугенотов зрела уверенность, что Ришелье готовит поход против них. Масла в огонь подливала эпидемия чумы в столице Франции. Поэтому мать сочла необходимым отправить 14-летнего Анри познавать военное дело к родственникам в Нидерланды, где уже находился его старший брат герцог де Буйон. К тому времени он уже и сам решил, что достаточно освоил теорию и пора познакомиться на практике с военной службой.

Формально она началась во Франции, где в начале 1625 г. по приказу короля 14-летний Тюренн получил полк, который был распущен в середине следующего года. Владение полком юным дворянином не было удивительным для того времени, но на практике предполагало наличие военного опыта. И Анри решил послужить в армии Республики Соединенных провинций под началом его дядьев принцев Оранских-Нассау – Морица и затем, после смерти первого, Фридриха-Генриха. В Нидерландах он поступил в полк рядовым – принц Мориц считал, что лучше всего начинать военную службу с освоения мушкета. Спустя полгода принц Фридрих-Генрих, заметив трудолюбие и успехи юноши, пообещал сделать его капитаном пехоты, что скоро и произошло. Эта служба способствовала формированию у Анри навыков опытного и знающего солдата и познанию военных приемов испанской армии, против которой воевали голландцы. За пять лет пребывания в Нидерландах будущий полководец научился, как сам признавался, «выбору местности, искусству осады и особенно искусству составлять план, долго над ним раздумывать и не менять в нем какой-либо пункт до последней минуты исполнения»²². Молодой Тюренн стоял на пороге своей карьеры.

²¹ Longueville T. P. 10; Weygand. P. 10-13; Berenger J. P. 58.

²² Memoires de Turenne/ed. Marichal. Vol. I. P.

Происхождение Конде было еще более высоким, нежели у Тюренна, и стало своеобразной «генетической» основой его будущего величия, поведения и менталитета, что неудивительно – представители этой, можно сказать, династии имели реальный шанс стать королями. Принцы Конде (названы так в честь Конде-ан-Бри в Шампани) – французский аристократический титул, первоначально принадлежавший в середине XIV в. лидеру гугенотов Луи Бурбону (1530-1569), дяде короля Генриха IV Французского, титул которого носили его потомки. Как младшая ветвь королевской династии Бурбонов, принцы Конде играли важную роль в политике и общественной жизни королевства. Они являлись пэрами Франции и занимали ряд постов при дворе – например, Главного Принца Королевской Крови, которому полагался высокий доход, и у которого была своя аудиенция и церемониальная привилегия (исключительное право обращения – Ваше Высочество Принц). Впрочем, титул Главного Принца был передан герцогами Орлеанским в 1710 г., поскольку седьмой принц Луи III (1668-1710) отказался от него, предпочтя быть известным под своим наследственным титулом пэра – герцог Бурбонский. Старшие сыновья принцев Конде носили титул герцога Энгиенского, и к ним обращались Монсеньор Герцог.

По сути, герцогства Конде, как такового, никогда не было, принцы не были ни чьими-либо вассалами, ни суверенами. Название местности просто служило территориальным источником титула, принятого Луи Бурбоном, который унаследовал от отца, Шарля IV Бурбона, герцога Вандомского (1489-1537), замок Конде и прилегающее к нему селение примерно в 50 км к востоку от Парижа. Впервые Луи Бурбон был назван принцем Конде в документе Парижского парламента от 15 января 1557 г. Его потомки обладали этим титулом до 1830 г. вместе с титулами герцогов Шатору, Монморанси, Энгиенского, Бурбона и Гиза. Линия Бурбонов-Конде прекратилась со смертью Луи-Анри II Бурбона (1756-1830), повесившегося при странных обстоятельствах в своем замке Сент-Ле через месяц после Июльской революции 1830 г. Единственный сын последнего, Луи-Антуан-Анри де Бурбон-Конде, герцог Энгиенский, был расстрелян в Венсенском замке по приказу императора Наполеона в 1804 г.²³

Луи II де Бурбон-Конде, принц де Конде родился 8 сентября 1621 г. в Париже. Его родителями были Анри II Бурбон (1588-1646), принц де Конде и Шарлотта-Маргарита де Монморанси (1594-1650), принцесса де Конде, дочь коннетабля Анри I де Монморанси и его второй жены Луизы де Бюдо. Самым знаменитым в семье Шарлотты был коннетабль Анн де Монморанси (1493-1567). Он участвовал во всех сражениях королевской армии и получил высшее военное звание исключительно за выдающиеся таланты военачальника и политика при короле Франциске I. Даже смерть настигла Монморанси в сражении при Сен-Дени 10 ноября 1567 г. – он был тогда серьезно ранен и скончался в Париже спустя двое суток.

Дед Луи, Анри I де Бурбон, второй принц де Конде (1552-1588) являлся тоже весьма примечательным человеком. Он рос в атмосфере воинственного кальвинизма и был двоюродным братом Генриха Наваррского (их отцы приходились друг другу родными братьями). В 1572 г. Анри женился на своей кузине Марии Клевской за неделю до свадьбы Генриха Наваррского и Маргариты Валуа, дочери Генриха II и Екатерины Медичи. Во время событий Варфоломеевской ночи – массовой резни гугенотов, устроенной католиками в ночь на 24 августа 1572 г., в канун дня святого Варфоломея, ему пришлось, равно как и кузену, спасти свою жизнь путем отречения от кальвинизма. Возглавив гугенотов во время продолжавшихся религиозных войн, он встал в оппозицию к Генриху Наваррскому, которого упрекал в религиозной беспринципности, хотя сам в Варфоломеевскую ночь первым обратился в католицизм, что не помешало ему потом обратно поменять веру. Однако перед лицом католической угрозы двоюродные братья вновь объединились и бок о бок сражались в битве при Кутра в 1587 г., где Анри I получил рану в живот. Умер он загадочным образом от рвоты в своем имении Сен-Жан-д'Анжели, когда

²³ Louis Joseph de Bourbon Conde. Op.cit. P. 1-7.

уже считал себя отправившимся от тяжелого ранения. Это дало повод подозревать его вторую супругу Шарлотту-Екатерину де ла Тремуиль, бывшую возлюбленную Генриха Наваррского, в организации отравления мужа. Да и сам Генрих, оказавшись после смерти Анри I во главе гугенотов, не избежал подозрений в организации устранения соперника. Попавшая в тюрьму по подозрению в отравлении Шарлотта родила в узилище сына – Анри II. Генрих IV Бурбон распорядился, чтобы мальчик был воспитан в духе католицизма. Так Конде стали католиками. Кстати, именно с Анри I де Бурбона-Конде началась традиция хоронить членов семьи Конде в церкви Валлери.

Жизнь родителей Луи напоминала роман, полный любви, измен, заговоров и приключений. После вступления на трон Франции Генриха IV в 1589 г. его первый кузен принц Анри II де Конде был возможным наследником на французскую корону вплоть до рождения у Генриха в 1601 г. сына – будущего короля Людовика XIII (1610-1643). Юная красавица Шарлотта-Маргарита де Монморанси в 15-летнем возрасте была представлена ко двору, где была назначена фрейлиной жены Генриха IV королевы Марии Медичи. В январе 1609 г. Мария Медичи устроила в Лувре балетное представление под названием «Нимфы Дианы», в котором принимали участие самые красивые женщины двора. В сонме прекрасных нимф блистала и юная Монморанси, которая поразила стареющего короля в самое сердце.

Генрих настолько серьезно влюбился в прекрасную фрейлину, что разорвал её помолвку с расточительным, ловким и красивым Франсуа де Бассомпьером, маркизом д'Аруэ, ставшим маршалом Франции в 1622 г. и впоследствии написавшим мемуары о придворной жизни своего времени. Король выдал девушку замуж за молчаливого, не любившего шумное общество принца Конде, болезненно переносившего бремя подозрений, некогда павших на его мать. Генрих надеялся, что тот будет покладистым мужем королевской фаворитки, но мог ли он предвидеть будущее? Свадьба состоялась в мае 1609 г., и оказалось, что Анри не смог терпеть настойчивых ухаживаний любвеобильного коронованного «старика» за его женой и бежал с ней из Парижа. Генрих последовал за беглецами, но увидел Шарлотту лишь один раз – в Амьене. Чета Конде достигла Брюсселя, где оказалась под защитой испанского наместника эрцгерцога Альбрехта. Король готовил похищение принцессы, однако Конде, предупрежденный о готовящемся побеге, предотвратил его. В ярости Генрих потребовал от эрцгерцога выдачи принцессы, угрожая оккупацией Брабанта французскими войсками, находившимися в полной готовности на Рейне. Его гибель от кинжала фанатика-католика Равальяка 14 мая 1610 г. остановила войну, причиной которой, по большому счету, являлась отнюдь не Шарлотта Конде, а целый комплекс противоречий между Францией, Священной Римской империей и Испанией, подогретых распрями между Протестантским союзом немецких князей и Католической лигой в самой Империи.

Во время регентства королевы-матери Марии Медичи (1610-1617) супруги вернулись во Францию. Неуемный Анри стал главой аристократической оппозиции и принял участие в заговоре против Кончини, за что три года отсидел в тюрьме. Шарлотта ходатайствовала о воссоединении с мужем, и Людовик XIII исполнил её желание. До своего освобождения в 1620 г. супруги находились в Венсенском замке, куда Конде перевели из Бастилии и где в 1619 г. родилась их дочь Анна-Женевьева, вышедшая впоследствии замуж за герцога де Лонгвиля. В итоге Анри смирился и верно служил первому министру Франции в 1624-1642 гг. кардиналу Ришелье.

В целом же этот человек во всем был противоречив, а эмоции в его характере и поведении тесно переплетались с практицизмом. Он был заговорщиком, который никогда не доверял союзникам, и командующим, который никогда не желал платить своим войскам. Он то пытался объединиться с гугенотами, то боролся против них, щеголяя своим благочестием; брал роскошные подарки от Марии Медичи, а затем осуждал ее за неправильные расходы королевской казны. Конде возмущался, когда Генрих IV пытался соблазнить его жену, но изменял при слу-

чае ей сам. Те, кто близко знали чету Конде, много лет спустя говорили, что «Месье Принц подарил Мадам Принцессе только два счастливых дня в ее жизни, а именно, день бракосочетания, когда она получила более высокий ранг, и день его смерти, когда она получила свободу и его огромное наследство». Анри де Конде использовал любые обстоятельства, пригодные для эксплуатации личных целей. Его сын многое позаимствовал от него, но не все. Ришелье не допускал в Узкий совет при Людовике XIII, членами которого были государственные министры, принцев крови, т.е. прямых родственников королевской семьи, но при решении важнейших политических вопросов с Анри де Конде нельзя было не считаться.

Иное дело мать Луи Шарлотта-Маргарита, которая пользовалась неизменным уважением при дворе и находилась в доверительных отношениях с женой Людовика XIII королевой Анной Австрийской. Она не любила первого министра Франции Ришелье, но не вмешивалась в интриги против него, предпочитая проводить свободное время в знаменитом литературном салоне мадам де Рамбуйе. Многих гостей Катрин Рамбуйе, подобно ей самой, отвращали от королевского двора царящие там интриги, а в доме маркизы они находили достойную альтернативу. Маркиза не имела предубеждений, что позволяло ей одинаково любезно принимать у себя принцев крови и литераторов. Этот салон сыграл большую роль в развитии эпистолярного жанра во Франции. Превосходное качество практически всех писем и мемуаров французов и француженок XVII в. во многом можно объяснить тем, что происходило в салоне маркизы. Да и к ведению беседы стали относиться как к настоящему искусству, и был создан четкий стандарт достойных форм выражения чувств.

В 1627 г. Шарлотта Конде пыталась заступиться за своего кузена знаменитого дуэлянта графа Франсуа де Монморанси-Бутвиля, нарушившего указ кардинала о запрете поединков. Но Ришелье был непреклонен, и Бутвиля казнили. И принцесса Конде взяла на воспитание в семью Конде его сына – будущего маршала Люксембурга. А в 1632 г. ее единственный брат, Анри II де Монморанси, был арестован за участие в заговоре против короля и осужден на казнь. О помиловании просила не только Шарлотта, но и брат короля Гастон Орлеанский, Анна Австрийская, другие высокородные придворные. Несмотря на это последний представитель герцогской ветви рода Монморанси был казнен, а все его титулы отошли в казну. Позднее они будут возвращены детям Шарлотты, но до смерти Ришелье в 1642 г. она оставила королевский двор и Париж, посвятив все свое время детям. В 1643 г. принцесса Конде стала крестной матерью будущего короля Людовика XIV²⁴.

Получив при рождении титул герцога Энгиенского, принцем де Конде Луи будет называться с декабря 1646 г., после смерти своего отца. Тогда же он станет первым принцем крови и пэром Франции. С колыбели юный герцог Энгиенский, у которого в 1629 г. еще появился брат Арман, будущий принц де Конти, был окружен роскошью и заискиванием многочисленных слуг, которые выполняли любые желания маленького принца. Ему прочили прекрасное будущее, и он не сомневался в своем великом предназначении. С ранних лет этот знатнейший из самых видных аристократов Франции отличался небывалой дерзостью, честолюбием и храбростью, был исключительно свободолобив и не признавал никаких авторитетов. И, тогда как юного Тюренна отличали проявления гуманности, Луи был любопытен до жестокости – Пьер Лене зафиксировал в своих мемуарах, как он однажды застал его за выкалыванием глаз воробью. Хотя, такие «опыты» могли способствовать и его интересу к науке.

²⁴ Godley E. The Great Condé, a life of Louis II de Bourbon, Prince of Condé. L., 1915. P. 3-5.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.